

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

ДЕНЬ, КОГДА
ПРОПАЛА
ВЕРОНИКА

МОСКВА
2023

ВСЛЕД
ЗА МЕЧТОЙ

Романы

А. Мироновой

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

ДЕНЬ, КОГДА
ПРОПАЛА
ВЕРОНИКА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии *Г. Ганжи*

В оформлении обложки использована фотография:

© Aleshyn_Andrei / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Миронова, Александра Васильевна.

М64 День, когда пропала Вероника : [роман] / Александра Миронова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-187111-6

Счастье Дины украла лучшая подруга Вероника. Она вышла замуж за ее жениха, родила ему двоих прелестных детей и переехала в дом, который Дина уже называла своим. Дина же погрузилась в пучину депрессии, потеряла работу и проводит дни в слезке за Вероникой. Когда та бесследно исчезает, подозрение сразу же падает на Дину. Чтобы избежать несправедливого наказания, она решает разыскать бывшую подругу и вскоре понимает, что жизнь Вероники вовсе не была столь радужной, как казалось. Разматывая клубок чужих тайн, Дина попытается вернуть и собственную жизнь.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миронова А., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-187111-6

В стране катастрофически растет число людей, которые исчезли без следа. Они пропадают внезапно, без объяснимых причин, многие — навсегда. За несколько лет количество пропавших без вести почти удвоилось и превысило астрономическую цифру в 120 тысяч человек. Так, за один только год уходит в никуда население немалого города.

Из 120 тысяч человек, которые пропали только в прошлом году, большинство мужчины — почти 59 тысяч. 38 тысяч — женщины, 23 тысячи — несовершеннолетние и малые дети. Большинство все-таки находят. Живыми. Иногда через месяц, иногда через несколько лет.

Самое страшное — это время. То самое время, что невозможно повернуть вспять, как бы ни старалась.

Марии хотелось закрыть глаза, сжаться до атома и взорваться, словно сверхновая звезда. Чтобы безвозвратно стереть последние семь лет и снова оказаться в точке отсчета, когда все пошло не так.

Погода была под стать ее чувствам. После длительной, изматывающей душу жары, испещрившей трещинами и рытвинами и без того порядком поизносившуюся землю, дождя ждали, словно пришествия Мессии. Казалось, что вот-вот он снизойдет на грешную землю и смоем все грехи, но ожидание мучительно затягивалось. Хотя с утра тучи потихоньку подтягивались, превращая небо в шахматную доску. То тут, то там еще мелькали белесые пятна, но на них неотвратимо напоззали черные грозовые кляксы, собираясь с силами и готовясь дать человечеству решительный бой.

Гром подавал первые робкие звуки, небо давило, давление падало, хотелось спать и танце-

вать одновременно. Если бы дождь рухнул прямо сейчас, она, наверное, сбросила бы прилипшую к телу потную одежду и кинулась бы обнаженной под тугие струи. Чтобы смыть все то, чторосло на нее за последние годы, словно песок на скалы.

— А ты так изменилась... — Валера не замечал ее состояния, смотрел пьяным влюбленным взглядом, сократил дистанцию до неприличия, вторгнувшись в «личное пространство».

Так теперь говорили в ее новой стране. Господи, да она и знать не знала таких терминов, пока не переехала. А теперь, за семь лет, отвыкла, что кто-то может подойти настолько близко, что можно почувствовать запах кожи, теплое родное дыхание, увидеть мельчайшие подробности — тонкие заломы морщин, которых раньше не было. Пробившуюся за день щетину. Глаза, все такие же светлые и безмятежные, похожие на кубики льда, в которых застыл желтый песок. Глаза хищника. Она забыла, как это бывает, когда подходят настолько близко. Даже маленькую Верочку старалась просто целовать, не заключая в объятия.

Маленькое кафе за два квартала от ее прежнего дома ничуть не изменилось. Даже удивительно, ведь за время ее отсутствия родной город вырос, модернизировался, вытеснил

наименее жизнеспособные заведения, заменив их новенькими, безликими. А здесь, в кафе, словно в разбитых песочных часах, время остановилось.

Все те же потрепанные пластиковые стулья — белые и ярко-алые. Те же зеленые поцарапанные столы, которые даже не пытались уберечь скатертями. Безвкусные украшения из пыльных искусственных цветов, выгоревших от солнца и времени, покрывшиеся равномерным слоем пыли.

Кафе напоминало небольшую забегаловку в курортном поселке, что одним видом отпугивает солидных клиентов и случайных прохожих. Возможно, именно за это его и любили постоянные посетители. Кафе было «для своих». Единственный уцелевший оплот постоянства в ее так часто сотрясающемся мире. Здесь даже официантка не изменилась. Только макияж стал чуть ярче, волосы чуть желтее, а в круглых равнодушных глазах плескалось немного больше грусти. Она сразу же узнала Машу, и от этого стало еще горше. Кивнула, словно они вчера расстались, и принесла «как обычно» — крепкий черный кофе без сахара.

Маша даже зажмурилась, на долю секунды поверив, что усилием воли сможет все вернуть назад и поступить правильно. Глупые мечты. Ее реальность была здесь, рядом. Шептала теплым

голосом, пахла недорогим коньяком и до боли знакомо улыбалась уголками глаз.

— Красивая стала, взрослая, — продолжал исповедоваться Валера, — дурак я был, Машка, не надо было мне тогда. Если б я только знал, что все так получится.

Маша открыла глаза и отвела взгляд от Валеры, уставившись в облезлую стену с потрескавшейся штукатуркой. Кафе требовался капитальный ремонт, как и всей ее жизни. Как жаль, что личные проблемы и прошлое нельзя исправить с помощью грунтовки и краски.

— Мы ведь с Ирой развелись, да, — хмельно улыбнувшись, с какой-то неуместной молодецкой удалью сообщил Валера, а Маше показалось, что старые стены вдруг качнулись и сейчас обрушатся.

— Развелись? — глупо повторила она чужим сиплым голосом.

— Да, не сложилось у нас. Мальца только жалко, Ирка его против меня настраивает. Ну а ты как? Слышал, замуж вышла, ребенка родила. Все получилось у тебя?

Маша тряхнула головой, отчаянно пытаюсь вернуться к реальности. Но не получилось. Муж, ребенок, переезд в другую страну. Жизнь, показательно счастливая, чтобы родители не волновались, — все это было там, за чертой, разделившей ее жизнь после того, как она согласилась

встретиться с Валерой в старом кафе, где когда-то и началась их любовь. Разговоры о муже и ребенке казались неуместными.

Валера решил первым:

— К тебе или ко мне?

Маша подняла глаза и в упор уставилась на человека, когда-то сломавшего ей жизнь. Того единственного, кто был способен снова ее починить.

* * *

И не было этих семи лет. Маша все так же плакала от счастья, задыхалась от чувства, которому не могла найти определение. Голова кружилась, увлекая за собой в странную карусель стены и потолок. Кажется, Валера сделал ремонт, или это они вместе с Ириной его делали? Вряд ли бы он сам выбрал обои в цветочек. Предпочел бы ровные белые стены.

В квартире все еще чувствовались рука, запах и иллюзорное присутствие другой женщины. Той самой, которую он когда-то предпочел Маше. Но сейчас это не имело ни малейшего значения. Это все в прошлом.

Они не разговаривали. В такие моменты слова не нужны. Телефон она отключила еще в кафе, безошибочно зная, чем все закончится. Даже если бы Валера не развелся с женой, Маша бы все равно своего добилась.

В последнее время она все острее ощущала потребность почувствовать себя еще раз живой и счастливой. Изю всех сил пыталась сопротивляться мраку, что грозился полностью поглотить ее. Все чаще она беспричинно плакала. Иногда ей хотелось громко кричать или завывать, как дикому зверю. Смешно, но один раз она действительно на это решилась. По совету психолога выехала в чистое поле и постаралась там выкричать свою боль. Не помогло, лишь почувствовала себя полной дурой. Что психолог мог знать о них с Валерой? И как он мог помочь исцелить боль от потери?

Был только один способ ощутить бег крови по венам — вознестись наверх и рухнуть со всей высоты, как на дурацком аттракционе. Так, чтобы сердце замерло. И захотелось кричать одновременно от страха и счастья.

Она сказала Мише — своему доброму, нежному, понимающему Мише, — что поедет по-видать родителей, соскучилась. Верочку с собой не возьмет, хочет отдохнуть. Миша, как обычно, не стал возражать и задавать вопросы — от чего, собственно, ей надо отдохнуть? Верочка целыми днями в школе, сама Маша не работает — пару частных уроков живописи в неделю, которые она дает, не в счет. Да даже если и подумал, то вслух не сказал. Лишь покорно кивнул. Наверное, в этом и заключался секрет их спокойной жизни. В Мишином понимании.

Маша прижалась к Валере, прогоняя его теплом мысли о муже и дочери. Она совершила ошибку, на перекрестке свернув не туда. И теперь ей за это отвечать. Она будет тянуть свой крест дальше, безропотно. Ведь как там говорил Сент-Экзюпери — «мы в ответе за тех, кого приручили». Хотя сам он этих принципов не соблюдал. Наверное, понимал в глубине души всю глупость собственного постулата. Ведь неужели жизнь и счастье «прирученных» важнее собственных?

Маша крепко зажмурилась, прогоняя опасные мысли.

— Ты чего, Манюня, все хорошо? — Валера чмокнул ее в лоб и потянулся за сигаретами. Худощавый, поджарый, похожий на дикого зверя. По долгу службы он каждый день тренировался в спортзале, бегал и стрелял. В последнее время увлекся марафонами. Полная противоположность мягкому увальню Мише, проводящему день за компьютером, а вечер перед телевизором с бутылочкой пива.

— Да, все отлично, лучше и быть не может, — прошептала Маша и, поцеловав Валеру в загорелый бок, уткнулась ему в подмышку, рукой обхватив сильное тело.

— А это что? — Валера одним ловким движением схватил ее за кисть. Маша не успела отдернуть руку и едва сдержалась, чтоб не выругаться. Вот дура!

— Это... так, ерунда. — Она попыталась поцеловать Валеру, чтоб изменить ход его мыслей, но потерпела фиаско.

Валера был слишком умным, чтобы отвлекаться на внешние факторы. Мыслил трезво. Поэтому и в жены себе выбрал Ирину, а не Машу. Решил, что она слишком творческая, а ему тяжело жить с фантазиями. И здесь голый расчет его подвел. Маша с трудом удержалась от улыбки, но, взглянув в лицо Валере, осеклась.

Он сидел на кровати, по-прежнему держа Машу за руку, и рассматривал тонкие белые шрамы, которые так и не ушли, несмотря на все ее старания и новомодные кремы, дарившие обещания полного исцеления, но на поверку оказывающиеся сущей ерундой. Разве можно стереть шрамы, которые оставляет сама жизнь?

— Ты зачем это сделала, Маша? — Голос стал серьезным. Мотнув головой, Валера отбросил челку с лица, а Маша снова увидела того мальчика, в которого влюбилась с первого взгляда двадцать пять лет тому назад. Необыкновенно серьезного, в чистой белой футболке, так непохожего на вечно грязных и оборванных хулиганов, живших в их дворе. Она сразу же поняла — он должен быть ее. И все так и было, пока та, другая, не появилась в жизни Валеры, а у Маши на руке, как результат, не появились шрамы.

— Потому что ты меня бросил. — Маша внезапно почувствовала себя взрослой и смелой, той, кто может сказать правду, не заботясь, что о ней подумают.

— Ты что, дура, Маша? — опешил Валера и запустил ладонь в волосы. И снова защемило сердце. Маша, потянувшись, словно кошка, крепко прижалась к нему.

— Дура, да, потому что жить без тебя не могла, — прошептала в самое ухо.

— А сейчас можешь? — через несколько мгновений спросил Валера, переводя взгляд на Машу.

Она действительно очень изменилась за то время, что они не виделись. Из глупого котенка выросла в грациозного зверя, такого независимого, самостоятельного, чужого и от этого еще более привлекательного.

Темные густые волосы ртутью стекали по плечам, подчеркивая бледность кожи. Бордовые, словно перепачканные в рубиновом вине губы и черные глаза, похожие на спелые маслины. Все это навевало мысли о жарком полдне где-нибудь на юге, когда хочется откинуть груз проблем и с головой уйти в пылающую, хмельную любовь. Маша — это чувства, эмоции, энергия и нулевое радио.

Наверное, ему действительно следовало остаться с ней, его способности мыслить трезво хватило бы на двоих. Но тогда его пугали и даже

слегка напрягали ее верность и преданность. Ее желание следовать за ним повсюду, словно преданный пес за любимым хозяином. Ее неспособность сказать ему «нет». Маша исполняла любые его желания, даже самые сумасбродные. Она его боготворила. А ведь, как оказалось, ощущать себя богом чертовски приятно.

Ему даже не хватало этого ощущения в первое время. Ведь Ира такой не была. Ирина сама царила на вершине пантеона и лишь снисходительно позволяла себя любить. Разрешала добиваться, завоевывать.

Именно это и привлекло его тогда. Кто станет охотиться на домашнюю утку, если в перспективе маячит дикий селезень? Так он за ней и охотился все семь лет. В итоге его добычу подстрелил куда более опытный охотник.

Конечно, в процессе охоты были и другие, попроще. Лисы, зайцы, лемминги, полевки. А вот Ира ускользнула, став чужим победным трофеем. Эта бесконечная борьба измотала его. Пора было сделать перерыв и снова почувствовать себя божеством.

Ира бы никогда не стала резать из-за него вены, а вот Маша это сделала. Валера вдруг почувствовал животную потребность подмять ее под себя, стереть с нее запах другого владельца. Она всегда была его собственностью и должна была ею оставаться.

Он грубо привлек Машу к себе и, поцеловав, снова бросил на кровать.

— Я ошибся, — прошептал он ей несколько минут спустя, снова пережив острое наслаждение. И ловко закинул крючок: — Как я могу все исправить?

— Никак... — Он почувствовал, как его рука, которой он гладил Машу по лицу, стала влажной.

Она беззвучно плакала.

Мы не можем повернуть время вспять. Не можем развязать стянутый в запутанный узел клубок судьбы. Не можем отменить жизнь.

— Это невозможно исправить.

* * *

Родителям она сказала, что уехала раньше, потому что Верочка заболела. Мама, конечно, начала волноваться и совать банку домашнего малинового варенья. Но за этим волнением чувствовалась скрытая радость — ее легкомысленная, непутевая дочь все-таки стала хорошей матерью. И про родителей не забывает. А самое главное, ее большая любовь в прошлом. Ведь будь это не так, Маша бы непременно постаралась задержаться в городе подольше. А тут вот даже билет поменяла, чтобы поскорее к мужу и дочери вернуться. Наконец-то поняла, в чем в жизни счастье.

Маше даже пришлось разыграть в аэропорту спектакль с проводами. Расцеловав родителей и убедив их не провожать до последней черты, Маша свернула в ближайший туалет, откуда позвонила мужу и соврала, что отец плохо себя чувствует, поэтому она немного задержится. Миша, как обычно, не возражал.

Валера забрал ее из аэропорта час спустя.

Эта неделя была выдана им кем-то щедрым на небесах, в награду за все страдания и потерянное время. И Маша, наслаждаясь каждой секундой рядом с Валерой, занималась самообманом. Уверяла себя, что надышится, насытится его теплом, пропитается запахом и этого ей хватит еще на несколько лет. В идеале на десять. Когда Верочка вырастет и поступит в университет, она сможет уехать, вернуться сюда, на родину.

Хотя Валера и предложил ей развестись и даже собирался растить девочку как собственную, Маша отказалась. Умом она понимала, что в Европе Верочку ждет лучшее будущее. Девочка вырастет, поступит в университет, встретит хорошего парня, которого будет любить и с которым вместе состарится. Она, Маша, просто обязана дать ей все это, чтобы хотя бы немного искупить то ужасное чувство, точившее ее каждый раз при взгляде на дочь. Чувство вины за то, что она так и не смогла полюбить эту девочку, так похожую на папу. Ведь это должна

была быть дочь Валеры, а не Миши. Она вообще не должна была рожать от другого. Это было предательством того, для кого она была создана. Но она непременно еще родит Валере ребенка. Сына. Время у нее еще есть.

Валера был готов ждать, признавался в любви, говорил, что жизни без нее не представляет. Втайне от любимого она записывала все это на телефон. Будет слушать, когда станет совсем тяжело. А в том, что будет тяжело, она была уверена.

* * *

Про мужа Маша старалась не вспоминать до того момента, как увидела его в аэропорту — такого высокого, мягкого, похожего на игрушечного медведя. В руках традиционный букет розочек — он всегда встречал ее с цветами и дарил их после каждой ссоры. Сейчас Маша и не могла вспомнить, с какого момента возненавидела живые цветы.

— Как папа?

Маша ловко уклонилась от мокрого поцелуя мужа, неуклюже клюнув его в щеку и крепко обняв дочь. Надо будет ограничить ей сладкое и мучное, у Верочки уже наметилась фигура отца. Только этого не хватало. Хватит того, что она унаследовала его внешность — белесая, бесцветная, так похожая на местных обитателей.